

КОНТРАСТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТРУКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ЭРЗЯНСКИХ АНАЛОГОВ

О. Г. БОРИСОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорского
и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

Из истории падежных форм

В падежную систему финского языка в подгруппу маргинальных, или периферийных, падежей включен падеж инструктив, выражающий способ совершения действия, с показателем *-in*, состоящим из суффикса множественного числа *-i* и собственного суффикса инструктива *-n*, например: *kaksin käsin* ‘двумя руками’. Инструктив функционирует в форме множественного числа и практически лишен оппозиции числовых форм, за исключением отдельных фраз, в которых форма единственного числа уже выступает как застывший формант, например: *kahden* ‘вдвоем’, *jalan* ‘ногами, пешком’. При этом в падежной парадигме некоторых местоимений форма инструктива отсутствует.

По мнению исследователей, инструктив имеет общее происхождение с генитивом и восходит к финно-угорскому языку-основе [7, 239–241; 11, 46; 15, 267; 16, 16; 17, 27, 222; 19, 167–168; 21, 31, 67]. Теорию общего происхождения названных падежей выдвинул П. Равила, который считал, что генитив возник от словообразовательного притяжательного форманта прилагательного [7, 241; 23, 82–83]. Разделение падежей, как он указывает, произошло в связи с постепенным разграничением имени и глагола: генитив формировался как приименная категория, а инструктив – как приглагольная [7, 241; 23, 80, 83]. В результате употребления притяжательных форм на **-n* в различных синтаксических позициях и образовались два падежа [8, 59].

Несколько иной взгляд на происхождение генитива-инструктива приведен в работах Й. Буденца, Д. В. Бубриха, Л. Кеттунена, которые возводили его к финно-угорскому локативу на **-nal/-nä*, аргументируя свою позицию тем, что во многих языках семантика инструктива выражается формантами пространственного значения [7, 241; 18, 298]. Этой точки зрения придерживается современный отечественный исследователь А. П. Юдакин. Он отмечает, что локатив на **-nal/-nä* расщепился, дав начало лативу и генитиву, а сам был оттеснен на периферию новообразованием на **-tal/-tä* [11, 22]. Напомним также, что Д. В. Бубрих связывал возникновение локатива на **-nal/-nä* с именами на *-inen* [3, 17].

Современные финские ученые М. Корхонен, П. Лейно, Т. Хуумо, Н. Инаба, М. Якола соотносят происхождение генитива-инструктива с финно-угорским лативом на **-n*, считая, что такие характерные признаки генитива, как одушевленность и определенность, первоначально были присущи дативу, который и восходит к финно-угорскому лативу на **-n*, имевшему признаки одушевленности [13, 27–48; 14; 17, 24, 222; 19, 167–168; 20, 495–505]. Они подчеркивают, что разграничение форм генитива и инструктива осуществлялось на основе не только критерия приглагольной (адвербиальной) и приименной (адноминальной) категории, но и способности указывать на одушевленность (генитив) и неодушевленность (инструктив) [17, 222]. О связи генитива

© Борисова О. Г., 2016

ва и инструктива в финском языке писали П. Лейно, Ю. Лескинен [20; 22], а инструктиву в прибалтийско-финских языках посвящена диссертация К. Росс [24].

Сегодня в финно-угристике в историческом контексте по-прежнему используется термин «генитив-инструктив» [17, 24; 21, 123].

Финские исследователи, в частности Т. Лехтинен, полагают, что в отдельный падеж в современном его виде, т. е. с суффиксом *-in*, финский инструктив оформился в период прибалтийско-финского праязыка (*keskikantasuomi*) и это было связано с обновлением формы множественного числа инструктива. Т. Лехтинен утверждает, что в период прибалтийско-финско-саамского праязыка (*varhaiskantasuomi*) генитив-инструктив в ед. ч. имел форму на **-n*: **jalka-n*, а во мн. ч. – на **-j* с показателем мн. ч., но без **-n*: **jalka-j*. Далее инструктив мн. ч. обновил свою форму, присоединив по аналогии с формой ед. ч. показатель **-n*: **jalka-n* (ед. ч.); **jalka-j-e-n* (мн. ч.) (где «е» соединительная гласная), и стал отличен от формы генитива мн. ч. (ср. с **jalkaden*). Несколько позднее в прибалтийско-финском праязыке (*myöhaiskantasuomi*) из них развились формы **jalvan* (ед. ч. на *-n*) и **jalvojn* (мн. ч. на *-in*), из которых уже в современном финском языке появились следующие формы инструктива: *jalan* (ед. ч.); *jalojn* (мн. ч.) [21, 123–124].

Как отдельный падеж инструктив в прамордовском языке-основе рассматривал Б. А. Серебренников. Он писал: «Первоначально родительный падеж в мордовских языках имел значение инструктива или совместного падежа...»; «Инструктив на *-n* превратился, по всей видимости, еще в эпоху финно-волжской языковой общности в родительный падеж (генитив. – О. Б.). Скучные его остатки сохраняются в некоторых наречиях типа эрз. *kavton'–kavton'* ‘по два’» [9, 14, 36]. Эти формы, так называемые «распределительные наречия, напоминающие показатели падежных или падежеобразных форм», в самостоятельную группу выделял и Д. В. Бубрих [2, 42–43]. Точки зре-

ния Б. А. Серебренникова относительно периода функционирования инструктива в эрзянском языке придерживается в своих работах и Г. И. Ермушкин [6, 162]. О финно-угорском инструктиве в современных мордовских языках мало что известно. Контрастивные исследования финского и мордовских языков позволяют увидеть следы финно-угорского инструктива в современном эрзянском языке.

Семантика и функционирование финского инструктива

Инструктив в финском языке несет ограниченную семантическую нагрузку, встречается в основном в устойчивых именных выражениях и глагольных конструкциях [27, 1208]. В современном языке его некоторые семы подвержены тенденции все чаще выражаться формантами пространственных падежей, имеющих инструментальное значение, например адессивом или адессивной формой *-mА* инфинитива: *Kaivojn hiekkaa paljain käsijn* (инструктив) ‘Я рыл песок голыми руками’, ср. *Kaivojn hiekkaa hienosti käsilläni* (адессив) ‘Я прекрасно рыл песок руками’; *Asiat selviävät eläen* ‘Некоторые вещи проясняются в течение жизни (букв. проживая жизнь)’; *Tosin tiesin, että on asioita jotka selviävät vain elämällä* ‘Так, я знал(а), что некоторые вещи проясняются только в течение жизни (букв. проживая жизнь)’ [27, 512].

Семантическая структура современного финского инструктива представлена следующими значениями.

1. Базовая семантика – это выражение, обозначение образа, способа совершения действия, или орудийная, инструментальная семантика. Очень важно для нас отметить, что в этом значении при инструктиве существительного находится препозитивное согласованное определение, выраженное прилагательным, местоимением или числительным: *Astui paljain jaloin huoneeseen* ‘Босыми ногами вошла в комнату’; *Kuivasin ihon hankaamalla pyyhkeellä kaksin käsin* ‘Высушил тело, вытираясь полотенцем обеими рука-

ми»; *Suomikin lähti tämän vuosikymmenen kisoihin suurin toivein* ‘Финляндия тоже отправляется на эти игры десятилетия с большими надеждами’; *Pidä vasarasta molemmin käsin* ‘Держись за молоток обеими руками’.

Как сказано в большой академической грамматике финского языка, в некоторых случаях стоящее перед инструктивной формой определение может и не согласовываться с инструктивом, а употребляться в местных падежах: *Huvillä mielin minä palaan eduskuntaan* ‘В хорошем настроении я возвращаюсь в парламент’; *Sitten asia on myös siltä osin kunnossa* ‘Теперь и с этой стороны проблема в порядке’; *...nykyinen verotus puhdistaa ilmaa monella tavoin* ‘...современное налогообложение разными способами «очищает воздух»’ [27, 1210].

Семантика образа и способа совершения действия инструктива обычно проявляется:

а) в устойчивых адвербиальных выражениях, содержащих в своем составе соматизмы: *paljain päin* ‘с непокрытой головой’, *paljain jaloin*, *avojaloin* ‘босиком’, *kuivin jaloin* ‘с сухими, не намоченными ногами’, *omin korvin* ‘своими ушами’, *omin käsin* ‘своими руками’, *kuivin suin* ‘с высохшим ртом’, *kynsin hampain* ‘изо всех сил’ (букв. когтями, зубами), *kuynselmin* ‘с глазами на мокром месте’, *ehjin nahoin* ‘невредимым (букв. с неповрежденной кожей)’, *suin päin* ‘сломя голову, не подумав’, *pitkin hampain* ‘(проглотить) со всеми потрохами’, *mielin kielin* ‘подлизываться, льстить’, *alla päin* ‘в плохом настроении (букв. с поникшей головой)’, *täysin sydämin* ‘от всей души’;

б) в иных устойчивых выражениях: *pitkin askelin* ‘широкими шагами’, *muutamien sanojen* ‘несколькими словами’, *suurin ponnistuksin* ‘с большим усилием’, *iloisin mielin*, *ilomielin* ‘с хорошим настроением’, *suurin toivein* ‘с большими надеждами’, *avosylin* ‘открыто, сердечно (букв. с открытыми объятиями)’, *hajareisin* ‘верхом’.

2. Указание и обозначение места действия: *paikka paikkoin* ‘местами’, *monin*

paikkoin ‘во многих местах’, *näillä tienoin*, *näillä main* ‘поблизости’, *toiselta puolen* ‘с другой стороны’; *Majakat käyvät monin paikkoin aurinkosähköllä* ‘Во многих местах маяки используют солнечную энергию’; *Näillä seuduin ei enää ole kuin yksi mies, joka osaa nuotantekotaidon* ‘В этих местах сейчас есть только один человек, который умеет плести невод’; *Kysyisin, mistä kohdin demokratia on kaventunut, missä asioissa?* ‘Хотелось бы спросить, в каких местах и каких делах демократия ослабла?’.

3. Выражение темпоральных отношений: *aamuin* ‘по утрам’, *illoin* ‘по вечерам’, *päivin* ‘днями’; *Saavuun Ivaloon puolilta päivin* ‘Прибыл в Ивало к полудню’; *Aamulla hyvissä ajoin seisoin tehtaan konttorin edustalla* ‘Утром заранее пришел и стоял у конторы завода’.

Темпоральное значение инструктива в большей степени представлено в устойчивых адвербиальных словосочетаниях: *päivin öin* ‘днями и ночами’, *viikkoin–kuukausin* ‘неделями–месяцами’, *aika ajoin* ‘временами’, *hyvissä ajoin* ‘заранее’ и др.; *Viikkoin–kuukausin hän ei tule kotiin* ‘Неделями–месяцами он не приезжает домой’; *Illan tullen, yön pimeten päätyi maahan mättähälle* ‘[Когда] вечер пришел, ночь стемнела, оказался [он] на земле, на кочке’ («Калевала», строки 42–43).

4. Указание на меру, объем в количественных выражениях, так называемый дистрибутивный инструктив [5, 91]: *viisin litroin* ‘по пять литров’, *puolin lasein* ‘по полстакана’, *vähin erin* ‘малыми дозами’, *yksin kappalein* ‘по одной части’, *mielin määrin* ‘вдоволь’, *monin verroin* ‘во много раз’, *kaksin kerroin* ‘два раза’, *tuhattamäärin* ‘тысячами’, *yksin* ‘один’ (ср. с эрзянскими распределительными наречиями: *кавтонь–кавтонь* ‘по два’).

Показатель инструктива *-in* (*-n*) кроме формообразовательной функции выполняет и словообразовательную, выступая продуктивным деривационным формантом наречий. Содержащие инструктивный суффикс наречия могут быть образованы от прилагательных, местоимений, числительных и существительных, например от прилагательных: *harvoisin* ‘реже’, *hyvin* ‘хо-

рошо', *ensin* 'сначала', *oikein* 'правильно'; от местоимений: *usein* 'часто', *niin*, *näin* 'так', *samoin* 'то же, так же'; от числительных: *yksin* 'в одиночку', *kaksin* 'вдвоем', *viisin* 'впятером'; от существительных: *käsin* 'руками, вручную', *paikoin* 'местами'. Вне контекста инструктивные формы существительного и наречия дифференцировать очень сложно. Имеющие определенное значение инструктивные формы являются соответственно существительными, а не имеющими – наречиями, например: *omin käsin* 'своими руками', ср. *käsin* 'вручную'. Инструктивные наречия могут образовать однокоренные синонимичные пары: *kovin* ~ *kovasti* 'сильно', *pahoin* ~ *pahasti* 'плохо', *tarkoin* ~ *tarkasti* 'аккуратно, осторожно'. Показатель инструктива *-in* также служит словообразовательным формантом некоторых послелогов: *pitkin* 'вдоль', *päin* 'в сторону', *vastoin* 'напротив'.

В финском языке инструктив функционирует не только в системе имени, наречий и послелогов, но и присоединяется к Е-инфинитиву, или ко II инфинитиву, обозначая образ добавочного действия, например: *Hän kulki ontuen* 'Он хромал (букв. шел, хромая)'; *Tuli juosten* 'Прибежал (букв. пришел бегом)'; *Söi seisten* 'Ел стоя'; *Puhui huutaen* 'Говорил громко (букв. крича)'; *Tuli korppi koikotellen* 'Прилетел, каркая, ворон'.

Инструктив получил широкое распространение в структуре модальных конструкций, грамматическим центром которых и оказывается инструктивная форма Е-инфинитива: *Hän palautti laitteiden väittäen sen olevan rikki* 'Он возвратил инструмент, утверждая, что тот сломан'; *Katselimme Villeä ihailleen* 'Мы рассматривали Вилли, восхищаясь им'; *Hän kertoi tapauksesta itkien ja nauraen yhtäikaa* 'Он рассказывал о происшествии, плача и смеясь одновременно'.

Статус-конструкции – это выражения и конструкции, также обозначающие образ и способ совершения действия. По структуре они состоят из номинативного или партитивного субъекта и предикативной части, которая может быть представлена в том числе инструктивным ин-

финитивом, например: *Poika odotti sydän pamppaillen* 'Мальчик ждал с колочущим сердцем (букв. сердце колотилось)'; *Voittaja saapui maaliin purje hulmuten* 'Победитель прибыл к финишу с развевающимися парусами'.

Инструктивный инфинитив широко используется в языке поговорок, пословиц и народной поэзии, например: *kiertäen kaartaen* 'вокруг да около, двусмысленно, скрывая что-то'; *mennen tullen* 'туда и обратно, по пути'; *tieten tahtoen* 'умышленно, специально'; *Ei kukko käskien laula* 'Петух по указке не поет'; *Ei korpi pesten valkene* 'Ворон от мытья не побелеет'; *Kaunis kakku päältä nähden* 'Красив пирог снаружи' [1, 59]. В некоторых случаях глагольно-именные формы с инструктивом адвербиализуются, переходя в разряд наречий и послелогов, например: *näin ollen* 'таким образом', *suoraan sanoen* 'прямо говоря', *toisin sanoen* 'иначе говоря', *totta puhuen* 'откровенно говоря', *kaikesta päätellen* 'подводя итоги', *pienestä pitäen* 'с малых лет', *alun pitäen* 'с самого начала'.

Инструктивные функции эрзянских генитивных форм

Проанализировав финский материал и сопоставив его с эрзянским, мы находим инструктивную семантику у некоторых генитивных форм последнего. Основные функции эрзянского генитива – атрибутивная и посессивная – подробно описаны в грамматиках эрзянского языка, работах Д. Рютера [4; 25; 26]. На обстоятельную функцию эрзянского генитива обратила внимание Р. Бартенс, показав это на примере из фольклорного материала: *Аразель тилень сонзо маризе, аразель сельмень сонзо неitze* 'Был ли кто, кто слышал его ушами, был ли кто, кто видел его глазами'. При этом Р. Бартенс отметила, что такое употребление генитива является единичным [12, 92]. Также в работах Д. Рютера приводятся интересные примеры с этой функцией, которые мы используем ниже [26]. Здесь мы попытаемся показать, останавливаясь на обстоятельных значениях и соответственно ад-

вербиальных функциях генитивной формы на *-нь*, следы инструктива в эрзянском языке.

В современном эрзянском языке соответствие финскому инструктиву, на наш взгляд, можно обнаружить в следующих генитивных выражениях и конструкциях, обозначающих образ действия и отвечающих на вопрос «каким образом, каким способом?».

1. Во фразеологических выражениях с соматизмами, имеющих структуру: прилагательное в форме на *-нь* + соматизм в номинативе мн. ч. или в инессиве (ср. с финскими инструктивными конструкциями, в том числе с несогласованными определениями): *Пургазнень савсь туемс Ордат велестэ чаво-нь кед-ть* ‘Пургазу пришлось уйти из села Ордат с пустыми руками’; *Якась ушова кепе-нь пильг-ть* ‘Ходил по улице босыми ногами’; *Вансь вачо-нь сельм-ть* ‘Смотрел голодными глазами’; *Вачо-нь пек-ть сэват товзюронь серой кишиде цела килограмма* ‘Голодным съешь целый килограмм серого пшеничного хлеба’; *Кошксетнень мон зярд-бути анокстакшнынь ки лангс, аламодо мик кувштаксть, но вачо-нь пек-сэ нетькак вадрят* ‘Сухари я когда-то приготовила на дорогу, они малость заплесневели, но с голоду и они будут хороши’; *Роботавтсть пильге лангсто прамс, кирдсть вачо-нь пейкс-ть* ‘Заставляли работать до упадка сил, держали голодными (букв. голодом наполненными)’; *Тусть вачо-нь седей-ть* ‘Отправились голодными (букв. с голодным сердцем)’; *Максим вечксь улемс кудосо. Сон свал мезеяк тейсь: стяко-нь кед-ть эзь аштекине зярдояк* ‘Максим любил быть дома. Он всегда чем-то занимался, просто так (букв. бесполезными, пустыми руками) не сидел’. Отдельные примеры взяты из фразеологического словаря эрзянского языка Р. Ширманкиной [10].

В этих примерах обратим внимание на два любопытных факта. Во-первых, присоединение падежного показателя генитива *-нь* к прилагательному, что в принципе не свойственно эрзянскому языку, так как в нем отсутствует конгруэнция прилагательного с существительным в падеже

и числе. Во-вторых, наличие у существительного суффикса мн. ч., семантически не всегда необходимого, например: *чаво-нь кед-ть* ‘с пустыми руками’, *вачо-нь пек-ть* ‘голодным (букв. с голодным желудком)’. Сравним это с вышеописанным финским материалом: финский инструктив в своем составе всегда содержит показатель мн. ч. и имеет при себе согласованное или несогласованное определение.

2. Во фразеологических выражениях, обозначающих образ действия, со структурой:

а) существительное на *-нь* + деепричастие: *Сон чийсь прянь-полдаць синдезь* ‘Он бежал сломя голову’; *Наста сельме-нь сывадозь ваны, кода кишитить од ломантне* ‘Наста с завистью смотрит, как танцуют молодые люди’; *Таня кадовсь аштеме прянь-нолдаць* ‘Таня осталась стоять с опущенной головой’; *Покишек-вишкиненек сельме-нь цитнезь ванкиность те апак содань ярсавксонть лангс* ‘С сияющими глазами (букв. блестя глазами) и большие, и маленькие рассматривали эту незнакомую еду’; *Сон кеже-нь сазь комась теветээнзэ ды эзь бажа ваномо пейдицянтъ ёнов* ‘Он со злости принялся за свое дело и старался не смотреть в сторону смеющегося’. Данные конструкции эрзянского языка функционально соответствуют финским статус-конструкциям, имеющим в своем составе инструктивный инфинитив;

б) существительное / местоимение на *-нь* + вспомогательный, неполнозначный глагол: *Те сельге-нь прамс тееви* ‘Это делается быстро (букв. за то время, пока падает плевков)’; *Инжесь сельге-нь прамс оршась* ‘Гость быстро оделся’; *Татю тевтеме сельге-нь прамс а ашти: викини руцяптацяят, сюрорды пракстат ды лият* ‘Татю ни минутки не сидит без дела: вышивает полотенца, ткёт портянки и другое’; *Чись пидезь пиди, мик лексемс а мейсэ – секе-нь вант, лепият* ‘Солнце палило так, что дышать нечем, того гляди задохнешься’;

в) существительное на *-нь* + послелог: *Сон комавтызе прянзо ды мерсь пее-нь пачк:* «Сеземаль прянзо, кие ёвтась воеводантень» ‘Он опустил голову и со злостью (букв. сквозь зубы) сказал: «Надо

было оторвать тому голову, кто воеводе рассказал»; *Вана попось, келя, кеже-нь пачк кайсесь Григорень* 'Говорят, что батюшка со злости побил Григора';

г) местоимение / числительное на *-нь* + послелог: *Саик кавто-нь кирда* 'Возьми в два слоя'; *Или тее мо-нь кондя* 'Не поступи, как я'.

3. В отрицательных деепричастных конструкциях со структурой существительное на *-нь* + деепричастие с отрицательным словом *апак* 'не': *Лиза сельме-нь апак липаде/липне вансь мирденть лангс* 'Лиза, не моргая (букв. не мигая глазами), смотрела на мужа'; *...а мельсэ пикадсь Кандра ды, Ёгань пельде вало-нь апак учо, тусь эсь те-везэнэзэ* '...с нежеланием обратился Кандра и, не ожидая слов от Ёги, ушел по своим делам'; *Сюнав се, кона чинек-венек роботы вие-нь апак жала!* 'Богат тот, кто днями и ночами работает не покладая рук!'

4. В формах так называемых распределительных, дистрибутивных наречий, образованных от существительных и числительных редупликативным способом при помощи показателя *-нь*, который может присоединяться как к обеим частям наречия, так и к одной: *Лиятне ярсась кургонь-кургонь ды инасть те ярсамопеленть* 'Остальные уплетали за обе щеки и хвалили эту еду'; *Кармасть симеме пенчень-пенчень* 'Начали пить по ложке'; *Явизь весе ули-паронть пенчень-пенч* 'Разделили все имущество (букв. по ложке)'; *Кувшинэсь сяворсь, кеверсь масторов ды тусь пельксэнь-пельксэ* 'Кувшин упал, покотился по земле и рассыпался на части'; *Карминдерятано сёвномо эсь юткова, кадовтано съкамонь-съкамонь* 'Если начнем ругаться друг с другом, то останемся одни'; *Истямо ладсо, аламонь-аламонь, Салдин Кандра теевсь велесэнтъ сюнавдояк сюнавокс* 'Таким образом, постепенно Салдин Кандра стал на селе богаче всех'; *Тейсть истя вейкень-вейкень лангс ванозь* 'Они поступили так, глядя друг на друга'. Данные формы в грамматике определены как формы генитива с распределительным значением [4, 163].

Как и финский инструктив, эрзянские формы на *-нь* могут нести темпоральную

семантику, например в послеложных выражениях: *чи-нь перть* 'в течение дня', *чи-нь чоп* 'целыми днями', *война-нь перть* 'во время войны', *шка-нь ютазь* 'по истечении времени', *кизэ-нь шкава* 'летом'.

Итак, в вышеописанных случаях эрзянская генитивная форма с суффиксом *-нь*:

1) имеет обстоятельственную, адвербиальную семантику и употребляется в основном в устойчивых выражениях, в составе которых встречаются соматизмы: *Совась чаво-нь кед-ть* 'Зашел с пустыми руками' (ср. с финским материалом);

2) как и финский инструктив, присоединяется к стоящему перед существительным определению-прилагательному, что не типично для эрзянского языка, так как прилагательное в препозиции к существительному не имеет падежных показателей: *чаво-нь кед-ть* 'с пустыми руками';

3) как и финская, в случае с существительным имеет форму мн. ч., но употребляется без показателя *-нь*: *чаво-нь кед-ть* 'с пустыми руками' (ср. с показателем финского инструктива в прибалтийско-финско-саамский период, когда форма инструктива существительного во мн. ч. не имела падежного показателя *-н* [21, 123, 124]);

4) как и финская, употребляется с глагольно-именными формами, а именно в устойчивых выражениях с деепричастиями и неполнозначными, вспомогательными глаголами: *кеже-нь сазь* 'со злости', *вие-нь апак жала* 'не покладая рук, не жалея сил', *секе-нь вант* 'того и гляди'.

Кроме того, формообразовательный аффикс *-нь* может выступать как словообразовательный формант дистрибутивных наречий (ср. с финскими наречиями): *ярсась кургонь-кургонь* 'уплетали за обе щеки'.

Данные аргументы, выявленные контрастным путем, говорят в пользу того, что в современном эрзянском языке генитив кроме атрибутивной и посессивной функций выполняет адвербиальную функцию, в которой и сохранились следы исчезнувшего финно-угорского инструктива.

Поступила 30.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК   BIBLIOGRAPHY

1. Борисова, О. Г. Синтаксис глагольно-именных форм финского языка / О. Г. Борисова. – Саранск : [б. и.], 2002. – 65 с.
2. Бубрих, Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1953. – 272 с.
3. Бубрих, Д. В. Историческая морфология финского языка / Д. В. Бубрих. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1955. – 187 с.
4. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 1980. – 430 с.
5. Грамматика финского языка : фонетика и морфология / под ред. Б. А. Серебренникова, Г. М. Керта. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 296 с.
6. Ермушкин, Г. И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. – Москва : Наука, 1978. – С. 155–264.
7. Основы финно-угорского языкознания : Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, К. Редери. – Москва : Наука, 1974. – 484 с.
8. Основы финно-угорского языкознания : Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, К. Редери. – Москва : Наука, 1975. – 347 с.
9. Серебренников, Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1967. – 262 с.
10. Ширманкина, Р. С. Фразеологиянь валкс / Р. С. Ширманкина. – Саранск : Мордовской книжной издательствась, 1998. – 216 с.
11. Юдакин, А. П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков (Становление системы падежей) / А. П. Юдакин. – Москва : Глас, 1997. – 391 с.
12. Bartens, R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys / R. Bartens. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. – 183 s. – (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, 232).
13. Huumo T. Irrallinen genetiivi ja omistusrakenteen ongelma / T. Huumo, N. Inaba // Virittäjä. – 1997. – № 101. – S. 27–48.
14. Inaba, N. Suomen datiiivigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa / N. Inaba. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. – 351 s. – (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 272).
1. Borisova, O. G. (2002), Syntax of nominal verbal forms Finnish language, Saransk.
2. Bubrikh, D. V. (1953), Historical Grammar of the Erzya language, Saransk: Mordovia Press.
3. Bubrikh, D. V. (1955), Historical morphology of the Finnish language, Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Press.
4. Tsygankin, D. V. ed. (1980), Grammar of Mordovian languages: Phonetics, Graphics, Orthography, Morphology, Saransk: Mordovia University Press.
5. Serebrennikov, B. A. and Kert, G. M. ed. (1958), Finnish grammar: Phonology and Morphology, Leningrad: USSR Academy of Sciences Press.
6. Ermushkin, G. I. (1978), Typological evolution of the system of local cases in the history of the Mordovian languages, Historical and typological studies of the Finno-Ugric languages, Moscow: Nauka, p. 155–264.
7. Lytkin, V. I., Maytinskaya, K. E. and Rédei, K. ed. (1974), Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: the origin and development of the Finno-Ugric languages, Moscow: Nauka.
8. Lytkin, V. I., Maytinskaya, K. E. and Rédei, K. ed. (1975), Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: The Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages, Moscow: Nauka.
9. Serebrennikov, B. A. (1967), Historical morphology of the Mordovian languages, Moscow: Nauka.
10. Shirmankina, R. S. (1998), Frazeologiyan valks, Saransk: Mordovia Press.
11. Yudakin, A. P. (1997), Comparative and Historical Grammar of the Finno-Ugric languages (Formation of cases), Moscow: Glas.
12. Bartens, R. (1999), Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys, Memoires de la Societe Finno-Ougrienne, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
13. Huumo, T. (1997), Irrallinen genetiivi ja omistusrakenteen ongelma, Virittäjä, № 101, p. 27–48.
14. Inaba, N. (2015), Suomen datiiivigenetiivin juuret vertailevan menetelmän valossa, Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
15. Itkonen, E. (1966), Kieli ja sen tutkimus, Helsinki: WSOY.
16. Itkonen, E. (1957), Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta, Virittäjä, № 61, p. 1–21.
17. Jaakola, M. (2004), Suomen genetiivi, Helsinki: SKS.
18. Kettunen, L. (1957), Problemaattista kantakielen genetiivissä ja paljossa muussa, Virittäjä, № 61, p. 298–306.
19. Korhonen, M. (1991), Remarks on the structure and history of the Uralic case system,

15. *Itkonen, E.* Kieli ja sen tutkimus / E. Itkonen. – Helsinki : WSOY, 1966. – 427 s.
16. *Itkonen, E.* Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta // Virittäjä. – 1957. – № 61. – S. 1–21.
17. *Jaakola, M.* Suomen genetiivi / M. Jaakola. – Helsinki : SKS, 2004. – 292 s.
18. *Kettunen, L.* Problemaattista kantakielen genetiivissä ja paljossa muussa // Virittäjä. – 1957. – № 61. – S. 298–306.
19. *Korhonen, M.* Remarks on the structure and history of the Uralic case system // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. – 1991. – № 83. – S. 163–180.
20. *Leino, P.* Roolit ja rakenteet. Henkilöviiteinen allatiivi Biblian verbikonstruktioissa / P. Leino, I. Herlin, S. Honkanen, L. Kotilainen, J. Leino, M. Vilkkumaa. – Helsinki : SKS, 2001. – 539 s. – (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 813).
21. *Lehtinen, T.* Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen / T. Lehtinen. – Helsinki : SKS, 2007. – 305 s. – (Tietolipas 215).
22. *Leskinen, J.* Suomen kielen inkongruentit instruktiivirakenteet ja niiden tausta / J. Leskinen. – Helsinki : SKS, 1990. – 214 s.
23. *Ravila, P.* Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen // Finnish-ugrische Forschungen. – 1941. – № 27. – S. 1–136.
24. *Ross, K.* Instruktiiv läänemeresoome keeltes / K. Ross. – Tallinn : Valgus, 1988. – 158 s.
25. *Rueter, J.* Adnominal Person in the Morphological System of Erzya / J. Rueter. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010. – 236 s. – (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 261).
26. *Rueter, J.* The genitive in Erzyan (Mordvinian) and the way it is used in the Novel “Исяк якинъ Найманов” by Kuzma Abramov [Электронный ресурс] / J. Rueter. – Режим доступа: http://www.ling.helsinki.fi/~rueter/MYV/Libraries/RueterJM_TheGenitiveInErzyan_MA_1996.shtml.
27. *VISK = Iso suomen kielioppi* / A. Hakulinen, M. Vilkkumaa, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. – Helsinki : SKS, 2004. – 1698 s. – (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 950).
- Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, № 83, p. 163–180.
20. *Leino, P., Herlin, I., Honkanen, S., Kotilainen, L., Leino, J. and Vilkkumaa M.* (2001), Roolit ja rakenteet. Henkilöviiteinen allatiivi Biblian verbikonstruktioissa, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki: SKS.
21. *Lehtinen, T.* (2007), Kielen vuosituhanet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen, Tietolipas 215, Helsinki: SKS.
22. *Leskinen, J.* (1990), Suomen kielen inkongruentit instruktiivirakenteet ja niiden tausta, Helsinki: SKS.
23. *Ravila, P.* (1941), Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen, Finnish-ugrische Forschungen, № 27, p. 1–136.
24. *Ross, K.* (1988), Instruktiiv läänemeresoome keeltes, Tallinn: Valgus.
25. *Rueter, J.* (2010), Adnominal Person in the Morphological System of Erzya, Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 261, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
26. *Rueter, J.* The genitive in Erzyan (Mordvinian), and the way it is used in the Novel “Исяк Якин Найманов” by Kuzma Abramov, available: http://www.ling.helsinki.fi/~rueter/MYV/Libraries/RueterJM_TheGenitiveInErzyan_MA_1996.shtml.
27. *Hakulinen, A., Vilkkumaa, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinonen, T.-R., Alho, I.* (2004), VISK = Iso suomen kielioppi, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 950, Helsinki: SKS.